

КОНЦЕПТ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Е.В. ТЫМЧУК, Л.А. ГАМАЕВА

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
электронная почта: timchuk_elen@mail.ru, lgamaeva@yandex.ru*

Статья анализирует концепт определенности / неопределенности и его реализацию в славянских и германских языках. Концепт определенности / неопределенности, происходящий от концепта лимитированности, рассматривается как один из основных концептов менталитета, который лежит в основе любой коммуникативной деятельности, хотя он культурно специфичен и находит свою реализацию в языках, отличающихся своей грамматической структурой. Статья показывает, что важность исследованного ментального концепта определенности / неопределенности для западных культур основывается на особых чертах их исторического развития. Как результат, концепт глубоко внедрился в грамматическую структуру германских языков как единство двух слов разного происхождения и значения – числительного и указательного местоимения – в одну грамматическую категорию. В противовес, в славянских языках, концепт определенности / неопределенности реализовался на периферийном уровне – уровне лексико-синтаксической структуры.

Ключевые слова: концепт, определенность, артикль, грамматическая категория, ментальность, славянские языки, германские языки.

Концепт "определённости/неопределённости" принадлежит к основополагающим коммуникативным смыслам, и поэтому в любой ситуации общения говорящему и его адресату важно определить "свой" мир предметов и отделить их от остальных.

Как и в случае концепта "близости/дальности" предмета, представления об определённости предмета, свойственные данной культуре и данному языковому сообществу, будут существенно отличаться от представлений об этом понятии в других культурах. Поэтому языковые средства выражения этого концепта – грамматические категории, специальные лексические единицы, особые синтаксические конструкции – в разных языках различны и определяются спецификой культуры данного народа и его языка.

Более того различие проявляется и в характере самих языковых средств, созданных тем или иным языком в процессе его исторического развития. Так, например, индоевропейские языки, которые последовательно реализовали

тенденцию перехода к аналитическому строю (так называемые языки *kentom*), в отличие от европейских синтетических языков (языки *satəm*), выработали особую систему грамматических средств выражения значений определённости и неопределённости через определяющие служебные слова – артикли.

Из сказанного следует, что европейские синтетические языки, не имеющие системы артиклей, относятся к группе так называемых "безартиклевых" языков (нем. *artikellos*). Эта группа, например, включает все славянские языки, кроме болгарского языка. Известно, что славянские языки выражают значение определённости-неопределённости различными лексическими способами: указательными местоимениями, словами с указательным значением типа *данный*, *настоящий*, указательными частицами (*он-то*, *они же*), особыми синтаксическими конструкциями и интонацией [7, Р.276].

Однако, несмотря на разнообразие лексических способов, выражение концепта "определённости/неопределённости" в славянских языках не поднялось на уровень грамматической абстракции, которая бы отражала восприятие концепта определённости/неопределённости как глобальной понятийной категории, имеющей обязательную грамматическую фиксацию. Этот концепт представлен в славянских языках на уровне отдельных лексических значений, которые выражаются лишь конкретно в ситуации и часто являются сопутствующими для других лексических значений.

Конечно, вопрос о том, почему концепт "определённости/неопределённости" не осмысливается в славянских языках как грамматическая абстракция, отражающая соответствующую абстрактную понятийную категорию деления всех предметов окружающего мира на "свои" (определённые) и "чужие" (неопределённые), остаётся открытым для дальнейших исторических и культурологических исследований. Однако ясно одно, что "периферийное" положение этого концепта в славянских языках может свидетельствовать о разном восприятии мира языковыми личностями различных индоевропейских народов.

Исторически возникновение артиклей в западноевропейских языках (кельтских, германских и романских) совпадает с периодом осознания географической ограниченности "своего мира". Моря и Атлантический океан поставили географический предел расширению "своего мира" на запад. Поиск земель за океаном был уделом лишь очень отважных храбрецов, поэтому в языковом сознании западноевропейского человека сложился чёткий концепт "предела" мира, который был определён, так как этот мир был понятен, и за границами которого лежала неопределённость.

Концепт "предела" – определённости/неопределённости был настолько весомым и глобальным в сознании языковой личности народов Западной Европы, что начался интенсивный поиск языковых средств его грамматической фиксации. В результате, значение предела было закреплено в глагольных формах перфекта, который указывал на завершённость действия и на некоторую "определённость" и ясность его результатов. В то же самое время определённости/неопределённости мира реальных и абстрактных вещей западноевропейские языки закрепили через средства эмоционального выделения и указания на предметы речи – так называемые "артикли", своеобразные грамматические и стилистические "части" отдельного существительного или целой номинативной группы. Как показывает материал кельтских и германских языков, артикли могли быть или раздельнооформленными, или составлять с существительным единую словоформу, или быть комбинацией того или другого.

Следует отметить, что древний этап становления грамматической категории определённости/неопределённости нашёл своё продолжение в новое время, в период становления национального самосознания и национальных государств. Развитие частной инициативы и предпринимательства привело к созданию частной собственности и росту индивидуального самосознания. Переход от "общинного" сознания к индивидуальному сознанию отразился в изменении языковой личности в её отношении к понятию "определённости". Переосмысление этого понятия привело к новому пониманию значений "свой"

(определённый) и "чужой" (неопределённый). На смену общинному миру пришёл мир отдельного человека, и требовалось чёткое указание границ этого мира.

Вместе с тем, понятно, что переосмысление концепта "определённости/неопределённости" не было одинаковым в разных западноевропейских языках. Оно зависело от конкретных исторических и культурных особенностей языкового сообщества. Можно предположить, что в Великобритании в связи с процессами огораживания, болезненным национальным размежеванием между кельтами и англосаксами, последствиями слияния языков разных подгрупп, которые ощущались не одно столетие, переосмысление концепта "определённости/неопределённости" было особенно глубоким и радикальным. Этому также способствовало быстрое изменение словоформ в номинативной группе, вызванное процессами фонетического плана, прежде всего, редукцией. В результате, английские артикли сложились в уникальную систему, отражающую категорию "определённости/неопределённости", причём её уникальность проявилась как в плане содержания, так и в плане выражения. В плане содержания английский язык наиболее чётко воплотил представления об определённости вещей и понятий "своего" мира отдельного человека, в плане выражения он почти полностью "освободил" эту систему от других грамматических категорий, сделав артикль "маркером" определённости/неопределённости отдельного существительного, номинативной группы или даже отрезка дискурса и самым частотным словом английского языка.

Что касается синтаксических и интонационных средств выражения концепта "определённости/неопределённости", то их использование в английском языке носит вспомогательный характер. Например, порядок слов и интонация выражает коммуникативную нагрузку имени существительного, а именно, тот факт, входит ли существительное в состав исходного пункта сообщения или в состав сообщаемого, нового [2, с.14]. Несомненно, эти языковые средства связаны с выражением значений определённости и

неопределённости предмета, но это не является в их употреблении главным. Значения определённости и неопределённости предмета выражаются ими лишь опосредовано по мере реализации коммуникативного членения предложения и текста.

В "безартиклевых" языках (например, в славянских языках) порядок слов и интонация также используются как вспомогательные средства, сопровождающие дейктическое оформление предложения и текста в плане указания на определённую/неопределённую предметы. Однако, как отмечалось выше, концепт "определённости/неопределённости" не получил в этих языках своего последовательного грамматического воплощения прежде всего потому, что у языковой личности не было потребности в таком глубоком осознании данного концепта. Это позволило некоторым исследователям (Г.Гийому) говорить об архаичном типе грамматики славянских языков, в отличие от более прогрессивных романских и германских языков [6, p.121].

Однако, на наш взгляд, дело заключается не в архаичности славянских языков, а в их изначальной "безразличности" к концепту "определённости/неопределённости". В отличие от западноевропейских народов, для которых концепт "предела", "определённости" был исторически основополагающим для их существования, место расселения славян не было так зримо ограничено морскими пределами. Недаром свою родину они часто характеризовали как "безграничную и бескрайнюю" и самым частотным словом русского языка является предлог "в", указывающий на то, что где находится [8]. Поэтому лексическое и синтаксическое воплощение концепта "определённости/неопределённости" было вполне достаточно для выражения отдельных ситуативных реализаций.

Из сказанного выше следует, что как грамматическая категория концепт "определённости-неопределённости" представлен только в "артиклевых" языках (нем. Artikelsprachen). Вместе с тем, нет ни одного "артиклевого" языка, где системы артиклей и их функционирование в речи были бы полностью подобны. Даже в таких близкородственных языках, как современные

германские языки или современные романские языки, абсолютного подобия нет [6, с.121]. Во-первых, как это было показано выше для западноевропейских и славянских языков, различия в реализации исследуемого концепта объясняются несовпадением понятий определённости/неопределённости, которые являются культуро-специфичными в каждом отдельном языке. Во-вторых, конкретная реализация концепта "определённости/неопределённости" через систему артиклей в каждом "артиклевом" языке определяется сочетанием ряда случайных и закономерных причин. В результате, голландцам, изучающим английский, не менее сложно освоить и научиться пользоваться этой системой на английском языке, чем носителям "безартиклевых" языков, потому что их система артиклей не похожа на соответствующую систему в английском языке.

Например, во всех западноевропейских языках система артиклей, отражающая грамматическое представление языковой личности о концепте "определённости/неопределённости", как правило, образуется путем противопоставления двух "положительных" артиклей – определенного и неопределенного. В некоторых германских и романских языках (в английском, французском, немецком, и отчасти, в испанском языке) оба артикля противопоставлены их значащему отсутствию – "нулевому" артиклю [3, с.6]. Таким образом, значение "неопределенности" дополняется в этих языках новым оттенком - возможностью представить предмет, обозначаемый именем существительным, в отвлеченном виде, вне конкретного объема и формы ,

Как было показано в сравнительно-исторических исследованиях индоевропейских языков, артикль тесно связан по происхождению с другой группой слов – указательными местоимениями, поскольку один из "положительных" артиклей – определенный – по своему происхождению является ослабленным указательным местоимением. Определенный артикль романских языков восходит к латинскому указательному местоимению *ille*, а определенный артикль в германских языках – к индоевропейской указательной основе **so*, **to*.

В древнегерманских языках становление грамматической категории определённости-неопределённости происходило в результате утверждения определённого артикля, причём весь процесс протекал в сложном взаимодействии с процессом формирования новой системы указательных местоимений и поэтому конечный этап – современное состояние этой категории в различных германских языках – определяется историческим развитием каждого из этих языков.

В древнем английском ещё трудно говорить о регулярном употреблении артикля для выражения концепта определённости-неопределённости. Речь поэтому скорее идёт о значительном числе случаев "артиклеподобного" употребления указательных местоимений *sē, sēo, thæt*. В готской библии сфера употребления артиклеобразных указательных местоимений *sa, sō, thata* несколько расширяется. Они более или менее регулярно употребляются при повторе имени существительного и как показатель субстантивации прилагательных и причастий. Но даже в последнем случае трудно говорить об их полном выходе из системы указательного местоимения.

В древнем верхненемецком и англосаксонском также невозможно говорить об омонимии форм артиклей и местоимений, так как употребление артиклеподобных указательных местоимений не охватывает все существительные. Оно встречается с имёнами существительными – названиями материальных предметов, но при этом оно совершенно не распространяется на названия отвлеченных предметов.

В современных германских языках частичная омонимия форм указательных местоимений и артиклей часто наблюдается в скандинавских языках – в шведском языке, датском, норвежском. В немецком языке *der, das* являются одновременно определённым артиклем, указательным местоимением и относительным местоимением: *das Buch das ich lese ...; Das finde ich sehr schön*. В романских языках это явление также распространено. Например, во французском формы определённого артикля *le, la, les* являются общими и для артикля и для личного местоимения в винительном падеже:

Je vois le chien. Je le vois.

Je vois les chiens. Je les vois.

Частичная омонимия форм личных местоимений и артиклей наблюдается также в испанском языке. Однако в других романских языках, а также в английском языке она полностью отсутствует.

Интересно отметить вариативность в плане содержания представленного концепта. Например, в древнегреческом определенные артикли *ὁ, ἡ, τό* употреблялись для субъективного представления предметов, а отсутствие артиклей – для объективного представления предметов. Последнее не совсем соответствует современному пониманию концепта "определённости/неопределённости". Так, например, в современном исландском языке определённый артикль не употребляется в тех случаях, когда существительное обозначает предмет, определённый ситуацией, что соответствует так называемому "объективному представлению предметов" в древнегреческом языке. Например, *prestur var heima* (пастор был дома), *er forseti steig út úr vélinni* (когда президент вышел из самолета), *þeir eru uppi í skola* (они в школе) [4, с.182].

Однако в исландском, который в силу своей географической обособленности сохранил наиболее архаичное грамматическое воплощение концепта "определённости/неопределённости", определённый артикль в соответствии с общей тенденцией развития данной грамматической категории в западной группе индоевропейских языков совпадает по форме с указательным местоимением *hinn* (рус. "тот другой") [4, с.184-185]. Как и во всех скандинавских языках, он может быть свободностоящим и постпозитивным (англ. enclitic), имеет множество форм, различающихся родом и падежом, и противопоставлен нулевому артиклю. Кроме того сохранилось также артиклеобразное употребление указательного местоимения *sá* перед субстантивированными прилагательными, перед прилагательными в превосходной степени и порядковыми числительными [4, с.186]. Архаичным также является возможность употребления конструкции "прилагательное в

сильной форме+существительное с постпозитивным определённым артиклем" [4, с.182].

Тот же древний этап в развитии категории определенности-неопределенности, выраженный противопоставлением определенного артикля нулевому артиклю, можно проследить в кельтских языках. Кельтские языки – одна из самых архаичных групп современных европейских языков. Эта группа представлена единственным государственным языком – ирландским, который в силу особенностей исторического развития ирландского народа и географической обособленности страны сохранил множество архаичных черт. Остальные кельтские языки – бретонский, шотландский, валлийский, корнуэльский и некоторые другие находятся на грани исчезновения. Все известные кельтские языки также имеют систему, состоящую из двух артиклей – артикля определенного и нулевого, причем определенный артикль, так же как и во всех *kentom*-языках, является ослабленным указательным местоимением [4, с.389]

Только в одном из кельтских языков – валлийском (исконный язык современного Уэльса), по-видимому, в результате контактов с соответствующими древнегерманскими и древними романскими языками, появляется факультативное употребление числительного *un* (рус. *один*) для выражения значения неопределенности [4,с.416]. Эта новая тенденция в развитии артиклевых систем *kentom*-языков в последствии полностью реализуется в германских и романских языках, которые в своем современном состоянии, практически, все имеют систему, состоящую из трёх артиклей – определенного, нулевого и неопределенного, причем последний во всех германских и романских языках восходит к адъективному числительному со значением "один" и в большинстве языков совпадает с ним по форме: нем. *ein, eine, ein*; фр. *un, une*; швед. *ett* и т.д. Только в некоторых из них, например, в английском, нет полного тождества неопределенного артикля и числительного *один*, но есть полное тождество значений числительного *один* и неопределенного артикля: *half a mile, half an hour, at a time*.

Возникновение неопределенного артикля – это обязательный этап в становлении системы артиклей во всех европейских "артиклевых" языках. Поэтому его отсутствие скорее можно рассматривать как архаичное состояние системы артиклей, вызванное изолированностью данного языка, его стремлением в полной мере сохранить те черты древнего общего праязыка, которые были характерны для него на момент отделения.

Это также новый этап в развитии концепта "определенности / неопределенности" в западноевропейских языках, поскольку его грамматическое выражение закрепляется за употреблением отдельных слов, изначально не связанных между собой семантически. То обстоятельство, что два совершенно разных по значению слова во всех западноевропейских языках настойчиво и последовательно употребляются для выражения грамматического выражения концепта определенности/неопределенности, несомненно, заслуживает особого внимания. Как отмечалось выше, в восточноевропейских языках процесс грамматической реализации концепта "определённости/неопределённости" затронул лишь болгарский язык, причем, возможно, в болгарском языке артикль появился в результате тесных контактов с романским миром и того понимания концепта "определённости/неопределённости", которое было свойственно романским языкам.

Что касается остальных славянских языков, то, как отмечалось выше, во всех из них концепт "определённости/неопределенности" не получил своего грамматического выражения. Числительное *один* было по своей семантике подходящим словом для выражения лексического значения неопределённости. Неудивительно, что оно используется в этом значении во всех современных славянских языках, являясь лексическим средством выражения значения неопределенности.

Таким образом, в отличие от славянских языков во всех западноевропейских языках (германских, романских и кельтских) была реализована та тенденция в оформлении именного словосочетания, которая наметилась в период распада индоевропейской языковой общности на *kentom-*

языки и satəm-языки. В соответствии с этой тенденцией существительные постепенно утратили свои падежные окончания и выражение номинативных категорий было возложено на новые служебные слова, оказавшиеся в зоне действия именного словосочетания. По мере осознания важности концепта "определённости/неопределённости" для ментальности западноевропейских народов и его постепенной грамматикализации, два совершенно разных по семантике слова – ослабленное указательное местоимение и числительное "один" – стали использоваться для выражения очень абстрактных, но важных для коммуникации значений определенности-неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. Изд. 2-е. Пер. с фр./ Антуан Мейе. – М.: "Едиториал УРСС", 2003. –168 с.
2. Москальская О.И. Развитие артикля в древних германских языках/ Ольга Ивановна Москальская//ИЯВШ. – 1948. – №4. – С.1-18
3. Чаковская Р.А. Артикль в испанском языке. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2002. – 320 с.
4. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – М.: Academia, 2000. – 472 с.
5. Языки мира: Романские языки. – М.: Academia, 2001. – 720 с.
6. Guillaume G. Le Problème de l'article et sa solution dans la langue française./Gustave Guillaume – Paris: Librairie Hachette et Cie, 1919.
7. Szwedek A. Pronouns as Articles? // Papers and Studies in Contrastive Linguistics. – Poznan, 1976. Vol.4 – P.265-271.
8. Приложение:Список частотности по НКРЯ – Викисловарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Список_частотности_по_НКРЯ

REFERENCES

1. Meye A. Osnovnye osobennosti germanskoy gruppy yazykov. Izd. 2-e. Per. s fr./ Antuan Meye. – М.: "Editorial URSS", 2003. –168 s.

2. Moskalskaya O.I. Razvitie artiklya v drevnikh germanskikh yazykakh/ Olga Ivanovna Moskalskaya//IYaVSh. – 1948. – №4. – S.1-18
3. Chakovskaya R.A. Artiki v ispanskom yazyke. – M.: NVI-TEZAURUS, 2002. – 320 s.
4. Yazyki mira: Germanskije yazyki. Keltskije yazyki. – M.: Academia, 2000. – 472 s.
5. Yazyki mira: Romanskije yazyki. – M.: Academia, 2001. – 720 s.
6. Guillaume G. Le Problème de l'article et sa solution dans la langue française./Gustave Guillaume – Paris: Librairie Hachette et Cie, 1919.
7. Szwedek A. Pronouns as Articles? // Papers and Studies in Contrastive Linguistics. – Poznan, 1976. Vol.4 – P.265-271.
8. Prilozhenie:Spisok chastotnosti po NKRYa – Vikislovar [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: https://ru.wiktionary.org/wiki/Prilozhenie:Spisok_chastotnosti_po_NKRYA

*THE CONCEPT OF DEFINITENESS/INDEFINITENESS
AND ITS REALIZATION IN LANGUAGES*

E.V. TYMCHUK, L.A. GAMAIEVA

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072,
e-mail: timchuk_elen@mail.ru, lgamaeva@yandex.ru*

The paper analyses the concept of definiteness/indefiniteness and its realization in Slavic and Germanic languages. The concept of definiteness/indefiniteness derived from the concept of limit is considered to be one of the basic mental concepts that underlie any communication activity. However, it is culturally specific and finds its linguistic realization in languages that differ in grammatical structure. The paper shows the great importance of the investigated mental concept of definiteness/indefiniteness for western cultures due to particular features of their historical development. As a result, the concept was deeply embedded in the grammatical structure of Germanic languages that united two words of different origin and meaning – a numeral and a demonstrative – in one grammatical category. On the contrary, in Slavic languages the concept of definiteness/indefiniteness is realized at the peripheral level – the level of lexical and syntactic structure.

Key words: concept, definiteness, article, grammatical category, mentality, Slavic languages, Germanic languages.